

Т. Симосато*

Н.И. НАДЕЖДИН: ОТ ЭСТЕТИКИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ К ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ**

В статье рассматривается взаимоотношение важных сторон мировоззрения и теоретической деятельности Н.И. Надеждина: с одной стороны, его эстетики, основанной на христианском платонизме, и, с другой — его убеждения в необходимости этнографического исследования культуры в контексте трансформации духа времени от идей Просвещения к идее народности. В результате анализа выяснено, что смысл тезиса «Где жизнь, там — поэзия» его докторской диссертации, защита которой состоялась в Московском университете, относится не только к эстетике, но и к этнографии, которая имеет назначение пробуждать самосознание каждого народа посредством изучения творчества на народном языке; это рассматривается Надеждиным как главный путь к духовному совершенству человечества.

Ключевые слова: Надеждин, платонизм, народность, этнография, жизнь, поэзия.

T. Shimoto. N.I. Nadezhdin: from aesthetics and literary criticism to the ethnographic study of culture

The article considers the relationship between the Christian Platonism and ethnographic studies in the worldview of N.I. Nadezhdin in the context of the transition of the spirit of the age from an idea of the Enlightenment to an idea of national spirit. The results of our analysis show that the meaning of the thesis of his doctoral dissertation defended in the Moscow University: “Where is life, there — poetry” refers not only to aesthetics, but also to ethnography, which has the mission to awake each nation to self-consciousness by studying the creative activity in own national language as a main way to the spiritual perfection of humanity.

Key words: Nadezhdin, platonism, national spirit, ethnography, life, poetry.

Введение

В 2016 г. исполняется 160 лет со дня смерти Николая Ивановича Надеждина (1804—1856). Уже через год после его смерти Н.Г. Чернышевский особенно отмечал обширность научных трудов Надеждина: «...писал он обо всем, от богословия до русской истории и этнографии, от философии до археологии. Такой многосторон-

---

* *Симосато Тосиюки* — доктор философских наук, профессор Дзёэцу университета образования (Япония); *e-mail:* simosato@juen.ac.jp

** Работа выполнена при финансовой поддержке JSPS KAKENHI (Grant No. 25370852).

ней ученой деятельности не может вполне оценить один человек» [Н.Г. Чернышевский, 1947, с. 141]. Чернышевский считал очень важным собрать все сочинения Надеждина и правильно описать общее значение его многосторонних трудов. К сожалению, эта задача до сих пор не полностью реализована.

Н.И. Надеждин был сыном сельского священника и учился в Рязанской духовной семинарии, а потом в Московской духовной академии. Он успел также стать профессором по кафедре изящных искусств и археологии Московского университета и издателем журнала «Телескоп». Но, как известно, в 1836 г. за публикацию русского перевода первого из «Философских писем» П.Я. Чаадаева (первоначально они были написаны на французском языке) он был выслан в город Усть-Сысольск (нынешний Сыктывкар, столица Республики Коми). В результате этого переворота в его жизни он «разорвал с эстетикой и перенес свои занятия на географию и этнографию» [Н.И. Надеждин, 2000, с. 47].

В ссылке он написал свою первую этнографическую статью «Народная поэзия у Зырян» («зырянами» тогда называли народ коми). Его статья включала беседы автора со столичным человеком и местными знатоками о представлениях и быте коренного народа и две свадебные песни, переведенные автором с зырянского языка на русский. В этом смысле в статье сталкивались между собой, с одной стороны, стороннее представление об этом народе и, с другой, его собственное понимание себя. Сегодня эта статья оценивается так: «Надеждин раскрыл тайники народной души, его исконные понятия о красоте, радости и счастье, так ярко выраженные в песнях и сказаниях» [М. Бирюкова, А. Стрижев, электронный ресурс]. Это, несомненно, правильная оценка. Но для меня еще интереснее то, что в заключение своей статьи Надеждин повторил тезис своей докторской диссертации по эстетике: «Где жизнь, там — и поэзия!» [Н.И. Надеждин, 1839, с. 282]. Можно считать, что тезис докторской диссертации Надеждина имеет ключевое значение для выяснения его мотивации к переходу к активному занятию этнографией¹.

1. Постановка вопроса: взаимосвязь эстетики и этнографии

Итак, я хотел бы поставить вопрос следующим образом: по какой логике Надеждин смог соотнести тезис «Где жизнь, там — поэзия» не только с эстетикой, но и с этнографией? Этот вопрос весьма

---

¹ Кстати говоря, В.Г. Белинский в рецензии на эту статью, перепечатав Зырянскую песню, утвердительно повторяет тот же самый тезис: «Да — где жизнь, там и поэзия!» [В.Г. Белинский, 1953, с. 63].

актуален в связи с тем, что Надеждин играл немаловажную роль в культурной истории России. В 1830-е гг. он известен как профессор по эстетике в университете и как критик в журналах, а в 1840–1850-е гг. как редактор «Журнала министерства внутренних дел» и как председательствующий в отделении этнографии Русского географического общества. И хотя Ю.В. Манн глубоко проанализировал его эстетику и литературную критику², а В.А. Каменский также глубоко исследовал его философию³, до сих пор вопрос о взаимосвязи его эстетико-философской мысли и этнографических трудов недостаточно изучен⁴. Кроме того, можно заметить, что наша тема непосредственно соотносится с вопросом о становлении русского национального самосознания в Российской империи в тот период, когда вектор ее духовных устремлений переходил от универсальной идеи «просвещения» к идее «народности», выражающей стремление к самобытному национальному существованию.

Можно считать, что одним из признаков этой смены духа времени является именно статья Надеждина о поэзии зырян. Там речь идет не о записанной для чтения поэзии и не о напечатанной в журнале для продажи в книжных лавках, т.е. не о поэзии в просвещенной форме, а именно «о поэзии простой, неправильной, безыскусственной, у которой нет ни школьной сановитости, ни салонного кокетства, нет классического парика, нет и романтической бородки, и однако есть жизнь, есть выражение, есть волшебная, очаровательная прелесть». Для него именно «такова всегда и везде поэзия народная!» [Н.И. Надеждин, 1839, с. 263]. Очевидно, что такая противоположность книжной и народной поэзии выражает изменение его ценностной ориентации, ведь в Москве он занимался исключительно литературной критикой.

С моей точки зрения, здесь важно, каким образом Надеждин нашел у коренного народа его собственную, не заимствованную у русских поэзию. Дело в том, что сначала без всякой опоры на факты он решил а priori, что у зырян должна быть поэзия, на основе следующего силлогизма: «Всякой народ должен иметь свою поэзию. Зыряне суть народ. Ergo. — Зыряне должны иметь свою поэзию». Именно с помощью метафизики, или, по его выражению, «систематизма», он вывел, что у зырян действительно есть поэзия, кото-

---

² См.: [Ю. Манн, 1969; 1998].

³ См.: [З.А. Каменский, 1984; 2000]. Кроме этого о философском платонизме Надеждина см.: [Е.И. Мирошениченко, 2013].

⁴ О его научной заслуге в этнографии см.: [А. Пытин, 1882, с. 661; 1890, с. 274]; [С.А. Токарев, 1966, с. 272; Т.Д. Соловей, 1994]. О роли Надеждина в установлении русской этнографии см.: [N. Knight, 1998].

рую можно считать «собственной, самородной, ниоткуда незаимствованной» [там же, с. 274], и далее он нашел ее в виде свадебных песен на зырянском языке. Сделав эту «находку», он выразил свое ощущение следующим образом: «...я испытал на себе все очарование поэтической магии, увлекался непреодолимым сочувствием, погружался в такое чистосердечное умиление, какого не производили во мне ни вздохи, ни стоны, ни завывания книжной элегической поэзии...» [там же, с. 282].

Что касается «песни зырянской девушки-невесты», то в ней, с одной стороны, с помощью молитвенных слов, обращенных к «Небесам», «Земле», «Воде» и «Лесу», выражается определенная картина мира и, с другой стороны, дается рассказ девушки-невесты о своей веселой и прекрасной жизни [там же, с. 278–280]. Таким образом, именно во время своей ссылки Надеждин благодаря своему систематическому метафизическому мышлению смог постичь новое значение «поэзии», теперь ее эмпирическим выражением были «народные песни».

2. Задачи приближения человечества к Богу в христианском платонизме

Вообще говоря, систематическое метафизическое мышление было продуктом Просвещения XVIII в. При этом нужно отметить, что в России на философское образование духовных училищ сильно влияла философская система Х. Вольфа, сочинения школы Вольфа на латинском языке использовались как официальные учебники православных духовных семинарий даже в первой четверти XIX в. [Г. Флоренский, 2006, с. 235; А.И. Абрамов, 1997, с. 139; Л.Е. Шапошников, 2006, с. 263]. В ту эпоху семинаристы поневоле воспринимали систематическое метафизическое мышление по Вольфу. В этом смысле можно считать, что реформы, осуществленные в правление Александра I, являлись реализацией такого рода систематических идей, носителем которых был бывший семинарист М. Сперанский; в свою очередь в эпоху правления Николая I на дух времени оказывало сильное влияние систематическое метафизическое мышление германского идеализма от Канта до Гегеля, под влиянием которого Надеждин и сформировал свое мировоззрение. Это позволяет утверждать, что все формы его деятельности и в области эстетики, и области этнографии, несмотря на все их различие, можно рассматривать как качественно однородную практику, истекающую из одних и тех же принципов его систематического мышления. Если же мы примем, что деятельность Надеждина в 1840–1850-е гг. являлась следствием того же метафизического мышления, которое

очень заметно в его деятельности в 1830-е гг., то мы сможем правильнее и глубже понять один из идейных элементов, который способствовал становлению этнографии в России (в первую очередь этнографических исследований традиций самого русского народа).

Что касается метафизической системы Надеждина, то анализ его сочинений, особенно трех статей 1830 г. по философской системе Платона⁵, позволяет определить ее как «христианский платонизм», который он освоил в студенчестве в Московской духовной академии под руководством Ф.А. Голубинского (1897–1854). По миропониманию его христианского платонизма, наш земной мир, созданный Богом, должен благодаря деятельности человечества приближаться к Богу и в конце концов возвратиться к Нему. В этом процессе главную роль играет человек, ведь, как написано в Библии, он был сотворен по «образу и подобию Бога», создан из божественного духа и материального тела, следовательно, с врожденными божественными идеями в своем сознании. В силу этого каждому человеку предназначено пробудить свое самосознание, осознать достоинство и назначение своей природы как «подобия Божия» и воплотить идеи в материи через творческое деяние искусства. Высшее назначение человека в том, чтобы приблизить человеческий род к Богу и установить на земле «Царство Божие». В этом смысле Надеждин считал изящное искусство, прежде всего «поэзию», необходимым и решительным средством для преобразования человечества к состоянию «Царства Божьего», т.е. благоустроенного общества, основанного на гармоничном воплощении божественных идей: истины, справедливости и красоты. При этом он констатировал идейное тождество христианства и платонизма: «Идеал таковых благоустроенных обществ представляет Платонова “Республика”, которая есть ни что иное, как совершеннейший мысленный образец, к коему все действительные общества должны по возможности приближаться, для того чтобы быть союзами, достойными высокого и Божественного предназначения нравственных существ» [Н.И. Надеждин, 2000, с. 578–579].

Наряду с таким гражданском идеалом, в мировоззрении Надеждина «свобода» и «поэзия» (как высшая форма творческой деятельности) вместе выступают как орудия приготовления «Царства Божия» на земле. Например, в своей первой статье «О высоком» (1828) он утверждал, что «свобода — самобытная свобода — возвышает человека над всей природой: и сия свобода, действующая сама из себя, по чистым превыше-земным понятиям... должна по-

---

⁵ Платон, философ оригинальный, систематический (Отрывок из Истории философии); Идеология по учению Платона; Метафизика Платонова [Н.И. Надеждин, 2000].

лагать печать истинного величия на все человеческие деяния. Таковы понятия, составляющие небесное наследие духа нашего, суть высокие идеи истины, благодати и лепоты, из коих слагается недосыгаемый идеал совершенства человеческого, коего первообраз есть само Божество» [там же, с. 68].

Хотя упомянутые идеи в человеческом духе имеют надземную, метафизическую сущность, они должны воплотиться в земном мире творческими силами человека. Именно в этом пункте заключается отличительная черта «христианского платонизма» Надеждина в сравнении с чистым «стоицизмом», или дуалистическим платонизмом, не признающим ценности вещественного, телесного начала и действующим «только по теоретическому сознанию идей, по вере в чистый абстракт». Надеждин акцентировал значение живой земной жизни, он писал об этом так: «...для мудрого, одушевленного верой в живого Бога, бытие предполагаемого им идеала столько же вещественно, сколько несомненно его собственное неделимое существование: чувству его он (идеал. — *Т.С.*) столько же близок и присущ, как и собственное его самосознание. Верующий мудрец здесь, на земле, живет Божеством, живущим в нем: посему небо не чуждо для него. Там его стихия; там и земное его просветляется Божественным» [там же, с. 69].

Если божественные идеи должны выразиться на земле, то, естественно, они должны обладать и божественной красотой. «Истинно высокое должно быть вместе и прекрасно: а сего тщетно будем искать мы там, где не замешано ни малейшей черты живого союза между человеком и Божеством» [там же, с. 70].

Таким образом, Надеждин считал, что божественные идеи, присущие духу человека, должны соединиться с вещественностью, телесностью, он был уверен, что без такого живого соединения человек не сумеет создать эстетически возвышенные объекты, истинное прекрасное достоинство на земле.

3. Духовное осмысление «жизни» и «поэзии»

Именно на основе такой религиозной системы, имеющей в основе платонизм и ставящей целью восхождение человечества к Божеству, Надеждин в 1830-е гг. написал свою докторскую диссертацию «О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической», в которой в первый раз высказал тезис «Где жизнь, там — поэзия». Для него термин «жизнь» означал, конечно, жизнь человеческую, отличающуюся от животной жизни, направляемой инстинктом. «Как скоро, свергнув тяжкое иго животной природы, он (т.е. дух человеческий. — *Т.С.*) пробуждается из этого бездей-

ственного сна к свободному *излиянию* своей деятельности и начинает жить *истинной жизнью* — эта божественная искра мгновенно вспыхивает и разрешается в неугасимое пламя; ибо всякая жизнь... старается излить себя наружу и, так сказать, *воплотить*» (курсив мой. — Т.С.) [там же, с. 96].

Очевидно, что в этом случае термин «излияние» напоминает неоплатоническую концепцию «эманации», а термин «воплощение» намекает на христианское понятие «Боговоплощения». Для Надеждина «истинная жизнь» является «излиянием» и «воплощением» духа человеческого. При этом творческая сила духа человеческого имеет «высокое происхождение и подобие предвечному творцу всяких, ясно и очевидно, составляет драгоценнейшее его наследие, которое не может быть у него исхищено никакими превратностями его странствования по земле» [там же, с. 96]. Таким образом, дух человека, происходящий от Бога, должен излить себя наружу, воспроизвести себя в художественных произведениях, в них человеческий дух «раскрывает свою внутреннюю полноту и воплощает ее в телесных формах» [там же, с. 97].

Среди всех искусств Надеждин считает самым подходящим для творения духа человеческого именно речь, потому что речь обладает самым адекватным материалом — бесчисленным богатством слов для свободного воплощения человеческого духа. Но речевое духовное творение есть не что иное, как «поэзия». «Итак, первоуродное из всех искусств есть искусство — высказывать тайны духа мерным языком, — которое именуется поэзией (ποίησις), или искусством творческим по преимуществу» [там же, с. 97].

Как мне кажется, в мировоззрении Надеждина речевая, словесная сила человека выступает как функция, сопоставимая с «силой всемогущества Божьего, возвышающего вселенную из небытия в бытие единым глаголом зиждительного слова...: “Рече Бог: да будет свет! — и бысть свет” (Быт. 1.3)» [там же, с. 86]. В этом состоит религиозный смысл его тезиса «Где жизнь, там — поэзия».

Кроме того, надо обратить внимание на то, что этот тезис должен пониматься в рамках земного *времени и пространства*. Это значит, что «поэзия» как творчество «истинной жизни» человеческой, хотя в своей сущности и является однородным союзом божественного духа и материальной телесности, *обладала, обладает и будет обладать* самыми разнообразными проявлениями, и именно поэтому будет постепенно приближаться к окончательному божественному идеалу. В этом состоит *история* поэзии.

На этой основе Надеждин объясняет значение существования самобытной «русской» поэзии: она, основываясь на традиционной народной культуре, призвана возвестить приход «нового времени»,

которое должно сменить классическую и романтическую культуру. «Явно отсюда, что патриотический энтузиазм составляет как бы родовое наследие русской поэзии; и это именно потому, что самый национальный характер россиян, по указанию вековых преданий и ежедневных опытов, состоит в живой, пламенной неизменной любви к отечеству. Здесь-то, кажется, должна находить свое изъяснение и та высокая степень совершенства, на которую возведена у нас басня — талантом Хемницера, Дмитриева и Крылова; ибо она вся посвящена обозначению и соблюдению народных *русских* нравов, обычаев, поговорок и всех, так сказать, черт русской физиономии» [там же, с. 253–254].

Таким образом, Надеждин, высоко оценивая традиционную «русскую» народную «басню», уверенно утверждал великое будущее своего отечества, призванного дать начало новой эпохе существования человеческого рода: «Род человеческий... ступает ныне в новый третий период существования. И никак невозможно подавить в себе тайной приятной уверенности, что святая мать Русь, дочь и представительница великого славянского племени, называется манием неисповедимого промысла разыграть первую роль в новом действии великой драмы судеб человеческих...» [там же, с. 255–256].

4. Осознание кризиса «русской» поэзии и задачи этнографии

Мне кажется, что, несмотря на оптимизм Надеждина по поводу будущности России, в основе его внимания к «русской» поэзии именно как народной лежит осознание неразвитости русского литературного языка. Дело в том, что он в качестве профессора Рязанской духовной семинарии (в 1824–1826 гг.) был удивлен неумением учащихся писать на русском языке. По воспоминаниям его знакомого, Надеждин первый в Рязанской семинарии начал задавать писать сочинения на русском языке. При этом выявилось странное, хотя естественное положение: «...даже лучшие воспитанники, писавшие безукоризненно в грамматическом и стилистическом отношении по-латыни, писали безграмотно по-русски» [*Н.И. Надеждин*, 2000, с. 873].

Это значит, что будущие православные священники, духовные руководители народа русского, не умели сочинять на русском языке. Очевидно, такое положение дел было результатом особенностей высокой культуры России того времени: она была полностью подражательной по отношению к европейской культуре. В этом контексте становятся понятными причины, по которым Надеждин решил опубликовать перевод письма Чаадаева. Хотя первое из «Фи-

лософских писем» воспринялось царским правительством как оскорбление, унижение достоинства русского народа, достаточно очевидно, что публикация письма была призывом к пробуждению всеобщей духовной миссии русского народа, состоящей в том, чтобы самостоятельно двигаться к «Царству Божьему», идти туда наравне с другими народами⁶.

С таким же намерением и сам Надеждин в своей статье «Европеизм и народность в отношении к русской словесности» (1836), которая была издана перед публикацией письма Чаадаева, утверждал, что «русская народность» еще не вполне и прочно установлена в отношении литературы, особенно поэзии, которая имеет предназначение соединять группы людей, использующих разные разговорные формы языка. Для того чтобы достигнуть стадии совершенствования своего народа как такового, необходимо сформировать самобытную «народность» на основе общего письменного языка, соединяющего различные разговорные языки людей. Суть этой задачи в том, чтобы образовать новый литературный язык на почве разговорного языка простого народа [*Н. И. Надеждин*, 1836, с. 216–217, 249]. Но для этого прежде всего надо изучать его своеобразную бытовую жизнь⁷.

Таким образом, жизненный опыт ссылки и находка своеобразной поэзии у зырян стали основанием для осознания Надеждиным важности развития этнографии, эта наука теперь кажется ему решительно необходимой для пробуждения самосознания каждого народа, прежде всего русского. В этом же смысле спустя 10 лет после инцидента с «Телескопом», в 1846 г., на первом собрании Русского географического общества Надеждин говорил: «Так бывает везде и всегда: в народах, как и порознь в людях, потребность самосознания обыкновенно развертывается туго, идет тупо... А между тем как давно осознано высказано мудрыми, что основное начало истинной мудрости есть: “узнай самого себя!” Наша народная мудрость, в своей сметливой простоте, знает это “золотое правило” также из-давно, выражает еще резче и настойчивее в известной пословице: “знай себя, будет с тебя!”...» [*Н. И. Надеждин*, 1847, с. 150; 1994, с. 108].

---

⁶ Очевидно, что опубликование этого письма не являлось антиправительственным посланием, так как Надеждин гордился тем, что сам царь стал подписчиком журнала «Телескоп» [*М. Лемке*, 1909, с. 395].

⁷ Здесь нужно отметить, что Надеждин понимал «цивилизацию» как усовершенствованную «народность» для каждого народа. «Обольстительные идеи космополитизма не существуют в нынешней Европе: там всякой народ хочет быть собою, живет своей, самобытной жизнью. Ни в одном из них цивилизация не изгладила родной физиономии; она только просветляет ее, очищает, совершенствует» [*Н. Надеждин*, 1836, с. 258].

Итак, можно сказать, что Надеждин в понимании процесса развития самосознания человечества сместил центр тяжести с эстетико-философских задач, решаемых в большей степени отдельными индивидами, на задачи этнографического самопознания народов, однако цель указанного процесса осталась прежней: самая существенная задача этнографии состоит в соединении отдельных людей через «народ» в единое человечество. Именно это будет означать достижение человечеством нового онтологического уровня своего совершенства.

Надеждин утверждал: «Значит, Этнография должна заниматься “человеком”, или точнее — “родом человеческим”, в котором отвлеченное понятие “человека” является действительной бытностью (в онтологическом смысле. — Т.С.) так точно, как География занимается “земным шаром”. То есть: она [этнография] должна наблюдать все разнообразные особенности, представляющиеся в “Роде Человеческом”, где они есть, как есть, и, через полное, всестороннее обследование их в их внешней раздельности, выяснять существующую между ними внутреннюю связь и большую или меньшую общность, так чтобы и здесь разнообразие частных, возводясь к своим естественным разрядам, совокуплялось наконец в стройную картину живого развития одного начала жизни, которое есть “человечество”. Эти-то естественные разряды, отличающиеся в “человечестве”, суть именно то, что обыкновенно называется “народностями”; и соответствующие им действительные разделы в “роде человеческом”, суть то, что принято называть “народами”. Таким образом, “народы” составляют предмет, которым ближайше занимается [этнография], а описание “народностей” есть содержание, из которого собственно слагается Этнография. Ее задача: приурочивать “людское” к “народному”, и через то обозначать в нем “общечеловеческое» [Н.И. Надеждин, 1847, с. 153–154; 1994, с. 110].

При этом Надеждин не забыл подчеркнуть важность языка для определения народности: «Это всеми признанная, непреложная истина, что “слово” вообще, будучи ни что иное, как мысль, воплощаемая в звуках, выражает собой сущность “природы человеческой”, которая сама не иное что есть как воплощение духа в веществе; оттого понятие “человека”, всегда и везде считается совершенно равнозначущим понятию “существа словесного”. Естественно прорастает отсюда, что и различия, каким человеческая природа подвергается в своих проявлениях, ничем не выражаются знаменательнее и ощутительнее, как разнообразием “слова”, распадающегося, соответственно разнообразию “народов, поколений и племен”, на различные “языки, наречия и подречия”. Можно посему сказать на верное, что “язык народа”, как был, так и останется навсегда —

главным залогом и главным признаком “народности”; следовательно — и главным предметом призывающим на себя внимание Этнографии» [там же, с. 154–155; 1994, с. 110–111]. Таким образом, словесное творчество считалось им главным выражением народности.

5. «Народность» как идейная функция в этнографии

Таким образом, можно сформулировать мысль Надеждина о «народности» так: у каждого народа есть духовная жизнь, следовательно, у него должна быть собственная «поэзия», которая может возвышать «народ» до высоты совершенства «человеческого». В этом смысле, можно сказать, понятие «народность» обладает ясной идейной функцией, оно аксиологически, ценностно нагружено.

Такие взгляды на «народность» можно найти и в трудах, носящих в большей степени прикладной характер, например в «Части этнографической» «Свода инструкций для Камчатской экспедиции, предпринимаемой Императорским Русским географическим обществом», изданного в 1852 г. Здесь сначала Надеждин подчеркивает важность выяснения «самоназвания» народа: «Под “туземной этнографической номенклатурой” разумеются собственные народные имена, которыми туземцы называют сами себя, в отличие от других людей, которых не считают своими» [Н. Надеждин, 1852, с. 18]. Здесь можно увидеть требование к принятию аксиологической, нормативной позиции, в рамках которой каждый народ *должен* зваться по собственному имени.

Затем он указывает на необходимость изучать все явления, выражающие *высокую духовную ценность* данного народа, хотя и «нецивилизованного»: «Как ни низко в отношении к общечеловеческому развитию предполагаемые к исследованию населения, все же в них *должны быть и непременно есть* искры высокой духовной природы человека, проблески умственного и нравственного начала, которые тем важнее в этнографическом отношении, чем менее прикасался к ним общий уровень того, что называется “цивилизацией”. Отыскивать и подмечать это должно вообще в правах и обычаях народа; преимущественно же в народных религиозных верованиях; и обрядах» (курсив мой. — Т.С.) [там же, с. 18].

Среди всех духовных явлений у каждого народа он выделяет важнейшее значение *религии*, ее изучение должно стать главным для этнографической экспедиции: «1. Религия. Здесь: а) На первом месте стоят собственно религиозные и вообще метафизические (превышающие видимую природу и обыкновенный порядок вещей) понятия, насколько они присутствуют и развиты в наблюдаемом народе; а именно: представления о божестве и его мифо-

логических видоизменениях и образах; басни о взаимных между собой отношениях и действиях разных видов божества; предания о происхождении мира и понятия о его управлении, понятия о силах и явлениях физической природы, о человеке и его жизни здешней и загробной, о вмешательстве высших, сверх-естественных влияний в судьбу людей и вообще в ход и порядок событий; демонология; волшебство. Вообще всякое народное баснословие и суеверие, приметы, поверья, заговоры, угадывания, и т.п. сюда же относятся [там же, с. 25].

И в заключение своей инструкции он указывает на решительную важность *языковедения* для этнографии: «...язык, во всяком народе, есть вернейшее и красноречивейшее выражение его народности, и потому заключает в себе самый обильный, и самый надежный источник его этнографического изучения» [там же, с. 25].

Заключение

В заключение можно сказать, что Н.И. Надеждин изучал «поэзию» в качестве выражения «настоящей жизни», как форму излияния духовной сущности и воплощения божественных идей, присущих человеку. Это изучение он считал необходимым для того, чтобы подготовить движение человечества к совершенству «божественной человечности», осуществляемому через пробуждение самосознания каждого народа. Для Надеждина приближение человека к совершенству означает возвращение его духа к первоначальному «местожительству», где он жил с Богом перед своим падением на землю, т.е. перед заключением духа в телесную оболочку. Поэтому «поэзия» есть не что иное, как выражение духовной жизни человека как «образа и подобия Бога». Человек с врожденными божественными идеями «истины, блага и красоты» своей творческой силой может и должен воплощать их в вещественном материале. Подобно тому, как Творец сотворил вещественный мир из несущего и как Спаситель воплотил себя в человеке для того, чтобы любить человечество, само человечество, состоящее из самостоятельных народов, должно выражать свободно божественные идеи собственными поэтическими словами на родном языке, должно творить поэзию, значит, должно жить настоящую жизнь и любить друг друга. Именно по такой логике Надеждин охотно занимался народной поэзией, и не только «русской», но и коренных народов России.

Автор выражает искреннюю благодарность проф. И.И. Евлампиеву за редактирование текста, а также проф. А.В. Малинову и доц. А.Е. Рыбасу за комментарии к докладу на ту же тему, прочитанному на IX мировом конгрессе ICCEES, проходившем в августе 2015 г. в Макухари (Япония).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А.И. Философия в духовных академиях (традиции платонизма в русском духовно-академическом философствовании) // Вопросы философии. 1997. № 9.

Белинский В.Г. [Рец. на кн:] Утренняя заря. Альманах на 1839 год // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 3.

Бирюкова М., Стрижев А. Надеждин Н.И. Народная поэзия у Зырян: Очерк // URL: <http://www.voskres.ru/literature/raritet/nadejdin1.htm> (08/07/2015).

Каменский З.А. Н.И. Надеждин: Очерки философских и эстетических взглядов (1828–1836). М., 1984.

Каменский З.А. Надеждин — эстетик и философ // Надеждин Н.И. Соч. СПб., 2000.

Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1825–1855 гг. СПб., 1909.

Манн Ю. Н.И. Надеждин — предшественник Белинского // Русская философская эстетика (1820–1830-е годы). М., 1969.

Манн Ю. Факультеты Надеждина // Русская философская эстетика. М., 1998.

Мирошениченко Е.И. Очерки по истории раннего платонизма в России: статьи по истории русской философии. СПб., 2013.

Надеждин Н. Европеизм и народность в отношении к русской словесности // Телескоп. 1836. Ч. 31.

Надеждин Н.И. Народная поэзия у Зырян // Утренняя заря. СПб., 1839.

Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического общества. Кн. 2. 2-е изд. СПб., 1847; Этнографическое обозрение. 1994. № 1.

Надеждин Н. Свод инструкции для Камчатской экспедиции, предпринимаемой Императорским Русским географическим обществом. Часть этнографическая. СПб., 1852. Ч. I.

Надеждин Н.И. Соч.: В 2 т. Т. I. Эстетика. Т. II. Философия / Под ред. З.А. Каменского. СПб., 2000.

Пытин А. Изучения русской народности: Историко-литературный обзор. V. Н.И. Надеждин // Вестн. Европы. 1882. Кн. 6.

Пытин А.И. История русской этнографии: В 4 т. СПб., 1890. Т. 1.

Соловей Т.Д. Николай Иванович Надеждин: У истоков отечественной этнологической науки // Этнографическое обозрение. 1994. № 1.

Токарев С.А. История русской этнографии (Дюктябрьский период). М., 1966.

Флоровский Г. Пути русского богословия. Минск, 2006.

Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1947. Т. 3.

Шапошников Л.Е. Консерватизм, модернизм и новаторство в русской православной мысли XIX–XXI веков. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2006.

Knight N. Science, empire, and nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855 // Imperial Russia: New histories for the empire / Ed. by J. Burbank, D.L. Ransel. Bloomington, 1998.